

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРА

Акад. Н. М. Никольский был ученым, которого интересовал широкий круг проблем исторической науки. Общеизвестны его работы по истории народов Древнего Востока, по научной критике Библии, по истории русской церкви.

Одной из важнейших областей своего научного творчества акад. Н. М. Никольский считал изучение культуры и быта белорусского народа. Будучи действительным членом Академии наук БССР, долгое время возглавляя секцию этнографии Института истории Академии наук БССР, а затем Институт истории Академии наук БССР, Н. М. Никольский много сделал для изучения культуры и быта белорусского народа. Под его непосредственным руководством и при его участии опубликовано много трудов по белорусской этнографии и фольклору¹. Ряд работ по белорусской этнографии и фольклору написан самим акад. Н. М. Никольским².

Цель настоящей статьи — показать значение работ акад. Н. М. Никольского в исследовании проблем этнографии и фольклора Белоруссии.

Свою работу в области белорусской этнографии и фольклористики акад. Н. М. Никольский начал с борьбы за утверждение принципа партийности, марксистского метода в исследованиях по белорусской этнографии и фольклору. Выступая против политической индифферентности в дореволюционной белорусской этнографии, а также в белорусской этнографии первых лет после завоевания власти рабочим классом, Н. М. Никольский писал, что не существует чистой науки для науки, что наука, подобно другим надстроечным явлениям, везде и всегда

¹ Беларускі савецкі фальклор. Мінск, 1936; Савецкая і дарэвалюцыйная Беларусь у народнай творчасці. Мінск, 1938; Беларускі народ супраць папоў і рэлігіі. Мінск, 1939; Жапчына ў беларускай народнай творчасці. Мінск, 1940; Песні беларускага народа, т. 1. Мінск, 1940; Альбом беларускага народнага мастацтва. Мінск, 1951.

² М. М. Нікольскі. Міфалогія і абрадаваць валачобных песень. Менск, 1931; яго же. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства. Мінск, 1933; яго же. Пронсходжэнне і гісторыя беларускай свадэбнай абраднасці. Мінск, 1956.

была классовой, всегда отражала в своей тематике и методике исследования интересы и влияния тех или иных классовых группировок¹. Акад. Н. М. Никольский выступил против буржуазных влияний в белорусской этнографии, выражавшихся также в противопоставлении в этнографических исследованиях белорусского народа русскому, вскрыл антинаучность таких утверждений, указывая на общность в культуре и быту братских (русского, белорусского, украинского) народов².

Критикуя узкий подход ряда белорусских этнографов к изучению явлений белорусской культуры (например, работу В. Ластовского о прочках и различинах), акад. Н. М. Никольский поставил вопрос об общем методологическом подходе к их исследованию. Он указал, что правильный метод исследования требует материалистической постановки вопросов об эпохе их происхождения, истории и видоизменении в различных классах общества, изучения подобных явлений у родственных народов.

Новый подход к изучению этнографических явлений, глубокий историзм характерны для исследований акад. Н. М. Никольского по религиозным верованиям белорусских крестьян. Его работы воссоздают историю этих верований, начиная от самых первобытных и кончая христианскими.

Исследование акад. Н. М. Никольского «Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства» посвящено наименее до того времени изученной проблеме в белорусской этнографии — проблеме систематизации и глубокой научной интерпретации верований белорусских крестьян, связанных с животными.

В работе известного исследователя религиозных верований А. Е. Богдановича «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов» религиозным представлениям, связанным с животными, включенным автором в рубрику «фетишизм», отведено всего три страницы. А. Е. Богданович приводит лишь некоторые факты о почитании животных и не дает им научной интерпретации³.

¹ Н. М. Никольский. Установки и методы белорусской этнографической этнографии. «Советская этнография», 1932, № 4, стр. 3.

² Там же, стр. 9—17.

³ А. Е. Богданович. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 31—35.

Акад. Н. М. Никольский систематизировал материал о верованиях, связанных с животными, накопленный белорусскими этнографами П. В. Шейном¹, Е. Р. Романовым², Н. Я. Никифоровским³, В. Н. Добровольским⁴, А. К. Сержпутовским⁵ и другими, и дал этим верованиям глубокую научную интерпретацию.

Исследовав верования белорусских крестьян, связанные с животными, акад. Н. М. Никольский установил в них следы тотемизма. Он обратил внимание на то, что в белорусском фольклоре очень долго сохранялся взгляд на животных как на существ, которые приравнивались к человеку, представления о том, что животные и люди — родственники, что «ў пчолкі, голуба і чалавека — адзін дух», что «пра пчолку і голуба нельга сказаць «здохлі», а трэба сказаць памёрлі»⁶. Особенно широко в белорусском фольклоре и верованиях было распространено представление о превращении людей в волков и обратно. Это представление чаще всего связывалось со свадебными чинами, свадебными группировками, которые ведут свое происхождение из глубин родового быта — времени бытования тотемизма. Акад. Н. М. Никольский обратил также внимание на немногочисленные обряды, имевшие в прошлом связь с тотемистическими верованиями (праздник комаедзіцы, посвященный медведям, и другие), и дал им глубокую научную интерпретацию⁷, исследовал другие пережитки тотемистических верований, сохранившихся при переходе от охотничьего к земледельческому быту (изображения птиц, змей, медведя на окнах крестьянских изб)⁸. В быту белорусских крестьян сохранились пережитки древних представлений о содействии птиц

¹ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. I—3. СПб., 1887—1902.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 2. Киев, 1886; вып. 3. Витебск, 1887; вып. 4. Витебск, 1891.

³ Н. Я. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.

⁴ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I—IV. СПб., 1891—1903.

⁵ А. К. Сержпутоўскі. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукоў. Мінск, 1930.

⁶ М. М. Нікольскі. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства, стр. 44—52.

⁷ Там же, стр. 31.

⁸ Там же, стр. 13—14.

(бусла) и животных (ужа) благополучию человека и ограждению от всяких несчастий¹. Выводы Н. М. Никольского о наличии пережитков тотемизма в религиозных верованиях белорусов подтверждаются новейшими общетеоретическими исследованиями советских ученых².

Работа акад. Н. М. Никольского «Міфалогія і абрадаваць валачобных песень» посвящена исследованию религиозных верований последующих эпох, сменивших эпоху охотничьего быта, а именно: исследованию земледельческих культов, как более ранней поры, так и в эпоху внедрения в крестьянский быт христианства. Из многообразной мифологии и обрядности земледельческих культов предметом своего исследования акад. Н. М. Никольский избрал наименее изученную их часть.—весенний и летний цикл, используя в качестве источника волочечные песни и обряды.

А. Е. Богданович в уже упомянутой работе приводит ценные личные наблюдения о волочечных песнях и обрядах, но не дает глубокого анализа этого материала, делает лишь ряд замечаний об аграрном характере волочечной обрядности, о том, что волочечная обрядность, как и мифология, имеет дохристианский пласт, а с принятием христианства подверглась влиянию последней³. Е. В. Аничков в своем известном труде «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян»⁴ ограничился лишь формальным анализом белорусских волочечных песен, общими замечаниями о том, что белорусские волочечные песни в прошлом имели магический, заклинательный характер, что в белорусских волочечных песнях сохранилось много архаических черт⁵. Е. В. Аничков описал только самые поздние волочечные песни, в которых было обращение к пану-шляхтичу, паненке и т. п., ошибочно считая их исконными, первоначальными⁶. Е. В. Аничков не обратил внимания на историю содержания волочечной песни, ее типов и видов, на генезис мифологии и обряд-

¹ М. М. Нікольскі. Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства, стр. 13—14.

² Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966.

³ А. Е. Богданович. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, стр. 101—110.

⁴ Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, ч. 1. СПб., 1903, стр. 222—257.

⁵ Там же, стр. 227—235.

⁶ Там же.

ности волочебных песен¹. Как со стороны охвата фактического материала, так и со стороны его интерпретации белорусские волочебные песни и обряды не были тщательно исследованы.

Акад. Н. М. Никольский значительно расширил источниковедческую базу исследования белорусских волочебных песен, систематизировав материалы о волочебных песнях, накопленные белорусскими этнографами П. А. Бессоновым², И. И. Носовичем³, Ю. Ф. Крачковским⁴, П. В. Шейном⁵, Е. Р. Романовым⁶, А. Шлюбским⁷ и другими, и разработал более глубокий метод их исследования.

Е. В. Аничков указал на связь мифа и обряда, песни и обряда, на то, что миф формируется на основе обряда, но применял это положение в своем исследовании формально. Акад. Н. М. Никольский рассмотрел положение о связи мифа и обряда, песни, обряда и мифа более конкретно, отметив особенности связей песни и обряда в их историческом развитии. Особенность волочебных песен белорусских крестьян состояла в том, что ко времени их записи они оторвались от обряда. Обряд, который совершался вместе с исполнением песни, вымер, а песня сохранилась, но, не имея под собой прежней основы, начала изменяться и по форме, и по содержанию, и по терминологии. С одной стороны, она стиралась, с другой — обогащалась новыми напластованиями и чертами, которые появлялись в ней в связи с новой практикой. В результате противоречивого развития записанные песни были частично стертыми со стороны прежнего содержания, частично разбухшими со стороны нового содержания, и связь между обрядом и песней стала более сложной.

¹ Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян, стр. 230.

² П. А. Бессонов. Белорусские песни. М., 1871.

³ И. И. Носович. Белорусские песни. СПб., 1873.

⁴ Ю. Ф. Крачковский. Быт западнорусского селянина. М., 1874.

⁵ П. В. Шейн. Белорусские песни. СПб., 1873; его же. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1, ч. 1. СПб., 1887.

⁶ Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 1—2. Киев, 1886; вып. 8. Вильна, 1912.

⁷ А. Шлюбский. Матэрыялы для вивучэння фальклору і мовы Віцебшчыны, ч. 1. Мінск, 1927.

Учитывая специфику соотношения обряда и песни, акад. Н. М. Никольский, во-первых, подверг тщательному анализу содержание волочечных песен и обрядов, изменение содержания волочечных песен и обрядов, их историю. Во-вторых, поскольку песня сохраняется дольше, чем обряд, акад. Н. М. Никольский использовал ее как источник для изучения истории волочечной обрядности. Уточнив методику исследования волочечных песен, акад. Н. М. Никольский применил удачный прием их изучения, начав с изучения сюжетов волочечных песен, основного сюжетного мотива — мотива чуда, выяснил, что мотив чуда фигурирует в волочечных песнях в двух вариантах. Субъектом чуда в волочечных песнях первого варианта является жито. Субъектом чуда в волочечных песнях второго варианта являются христианские святые. Выделив два типа волочечных песен, акад. Н. М. Никольский создал тем самым надежную основу для изучения истории мифологии и обрядности волочечных песен.

Исследовав мифологию волочечных песен, акад. Н. М. Никольский установил, что наиболее ранним пластом этой мифологии, уходящей своими истоками в первобытность, является непосредственное олицетворение самого жита. В мифологии волочечных песен жито представляется как живое существо, подобно человеку, оно говорит, мыслит, слышит, к нему обращаются с просьбами, совершают для него обряды. Жито наделяется сверхъестественными свойствами¹. Следующий этап олицетворения в мифологии волочечных песен, который изучен акад. Н. М. Никольским, — это олицетворение жита в образах полевых духов. Полевые духи олицетворялись последовательно в образе козла, в образе женщины («бабы»), затем в образе мужчины («житный дед»)². Акад. Н. М. Никольский выяснил, что в дальнейшем своем развитии полевые духи превратились в божества урожая, богатства, называемые то Раем, то Спарышом, то Багачом³. С принятием христианства полевые духи и божества получают окраску христианских святых, входят в образы последних как их составные элементы.

¹ М. М. Нікольскі. Міфалогія і абрадаваць валачобных песень, стр. 217—225.

² Там же.

³ Там же, стр. 226.

В образе христианского святого Николая содержится образ «житного деда»¹. В образе христианского святого Юрия содержится образ предшествовавшего ему божества весенней растительности², в образе христианского святого Петра — образ духа созревания зерна³, в образе христианского святого Ильи — образ «житной бабы». Христианский святой Илья выступает иногда в образе женщины, носит женское имя («Святая Илья — старая жняя») ⁴. Исследование акад. Н. М. Никольского «Міфалогія і абрадаवासць валачобных песень» показывает развитие религиозной мифологии белорусских волочebных песен от самых примитивных ее форм до самых высших. По мастерству исследования этого вопроса на белорусском материале акад. Н. М. Никольского можно поставить в один ряд с такими выдающимися исследователями истории религиозной мифологии, как В. Маннгардт⁵, Д. Фрэзер⁶, Ю. П. Францев⁷.

Тщательно исследовав волочebные песни и обряды, акад. Н. М. Никольский также пролил свет и на историю волочebной обрядности, выделив в обрядности, связанной с волочebными песнями, в которых основным субъектом чуда является жито, магические элементы, а в волочebной обрядности более позднего времени, связанной с волочebными песнями, в которых основными действующими лицами, субъектами чуда являются христианские святые, черты умиловительного культа⁸.

Глубокое и оригинальное исследование акад. Н. М. Никольского «Міфалогія і абрадаवासць валачобных песень» в значительной степени восполняет тот пробел в изучении мифологии и обрядности волочebных песен, аграрных культов белорусов вообще, который существовал до появления этой работы. Это исследование акад. Н. М. Ни-

¹ М. М. Нікольскі. Міфалогія і абрадаवासць валачобных песень, стр. 238—240.

² Там же, стр. 241.

³ Там же, стр. 243.

⁴ Там же, стр. 244.

⁵ W. Mannhardt. Wald- und Feldkulte, Bd. 1—2. Berlin, 1885—1887; его же. Mythologische Forschungen. Strassburg, 1884.

⁶ J. G. Frazer. The Golden Bough. Abridged edition. London, 1923.

⁷ Ю. П. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959.

⁸ М. М. Нікольскі. Міфалогія і абрадаवासць валачобных песень, стр. 220, 255—259.

кольского является также значительным вкладом и в общетеоретическую литературу о религии, поскольку в ней более глубоко по сравнению с предшественниками разработаны вопросы о соотношении мифа и обряда, мифа, обряда и песни, истории форм религиозных олицетворений. Основные теоретические положения акад. Н. М. Никольского по этим вопросам верны, очень актуальны и плодотворно разрабатываются в современной советской литературе о религии ¹.

В монографии акад. Н. М. Никольского «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» подведены итоги его исследований по белорусской этнографии и фольклору.

Наиболее известным исследователем белорусской свадебной обрядности до того, как к ее изучению приступил акад. Н. М. Никольский, был М. В. Довнар-Запольский. Последним было написано несколько статей, которые в известной степени продвинули вперед изучение этого вопроса и обратили внимание на необычайную историческую ценность белорусской свадебной обрядности ².

Однако статьи М. В. Довнар-Запольского по белорусской свадьбе не охватывали всего свадебного цикла. В них рассмотрен лишь подготовительный этап белорусской свадьбы (сватовство, помолвка, обычаи посада) и сделаны некоторые замечания о ритуальном значении каравая. Большая группа свадебных обрядов осталась вне поля зрения исследователя. Очень узка источниковедческая база исследований М. В. Довнар-Запольского. В основу своей наиболее известной работы по белорусской свадьбе он положил всего лишь два описания сва-

¹ Ю. И. Францев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959; С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; А. Ф. Анисимов. Этапы развития первобытной религии. М.—Л., 1967.

² М. В. Довнар-Запольский. Белорусская свадьба и свадебные песни. Киев, 1886; его же. Сватовство и дружина жениха в белорусской свадьбе. «Минский листок», 1892, № 57; его же. Мотивы свадебных песен линчуков. Гродно, 1893; его же. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках. «Этнографическое обозрение», 1893, № 1, 2, 4; его же. Ритуальное значение каравайного обряда у белорусов. Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 14. М., 1900.

дебного обряда из Минской губернии¹. Метод исследования М. В. Довнар-Запольского также был во многом несовершенным. Изучая белорусскую свадебную обрядность в студенческие годы, М. В. Довнар-Запольский в сущности придерживался основных положений Мак-Леннана², Джона Леббока³, Герберта Спенсера⁴. Его взгляды по вопросам свадебной обрядности во многом были комбинацией взглядов этих ученых, руководствовавшихся идеалистическим эволюционистским методом⁵.

Монография Н. М. Никольского «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» является крупным шагом вперед. Она отличается от работ М. В. Довнар-Запольского как источниковедческой базой, так и методом исследования. В основу своего исследования акад. Н. М. Никольский положил богатейшие собрания описаний белорусской свадьбы П. В. Шейна⁶, В. Н. Добровольского⁷, Е. Р. Романова⁸, П. П. Чубинского⁹, а также отдельные описания белорусской свадьбы Ю. Ф. Крачковского¹⁰, И. И. Носовича¹¹, М. В. Довнар-Запольского¹², Б. Степанца¹³ и другие материалы

¹ М. В. Довнар-Запольский. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках. Исследования и статьи, т. 1. Киев, 1909, стр. 62.

² J. F. Mc Lennan. Studies in Ancient History, comprising a reprint of Primitive Marriage. London, 1876.

³ J. Lubbock. The Origin of Civilisation. London, 1870.

⁴ Г. Спенсер. Основания социологии, т. 2. СПб., 1898.

⁵ См.: М. В. Довнар-Запольский. Первобытные формы брака. Исследования и статьи, т. 1. Киев, 1909, стр. 384—404.

⁶ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 1, ч. 2. СПб., 1890; т. 3. СПб., 1902.

⁷ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, т. 2. СПб., 1893.

⁸ Е. Р. Романов. Материалы по этнографии Гродненской губернии, вып. 1. Вильна, 1911.

⁹ П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. 4. СПб., 1877.

¹⁰ Ю. Ф. Крачковский. Быт западнорусского селянина. М., 1874.

¹¹ И. И. Носович. Белорусские песни. СПб., 1873.

¹² М. В. Довнар-Запольский. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках. Исследования и статьи, т. 1. Киев, 1909.

¹³ Б. Степанец. Крестьянская свадьба в Южном Полесье. Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества, т. 1. Вильна, 1910.

этнографических экспедиций секции этнографии Института истории Академии наук БССР.

Акад. Н. М. Никольский систематизировал источниковедческий материал по белорусской свадебной обрядности, выделив в описаниях свадебных обрядов два их типа — описания свадебных обрядов с караваем и без него, с так называемой столбовой песней и обрядностью у печного столба¹. Классификация описаний белорусской свадебной обрядности позволила акад. Н. М. Никольскому более полно изобразить белорусский свадебный обряд, а также поставить вопрос об особенностях свадебного обряда в отдельных местностях Белоруссии. В методе Н. М. Никольского отчетливо виден взгляд на общество как на общественно-экономическую формацию, в которой свадебная обрядность относится к надстроечным элементам. Она порождена определенным типом производственных отношений и изменялась с изменением последних.

Применяя новый, марксистский метод исследования, используя новый богатый источниковедческий материал, удержав все ценное, имевшееся в работах В. М. Довнар-Запольского, акад. Н. М. Никольский выступил подлинным новатором в исследовании белорусской свадебной обрядности. Приступая к исследованию проблемы происхождения и развития белорусской свадебной обрядности, акад. Н. М. Никольский опирался на достижения русских ученых К. Д. Кавелина², В. Я. Шульгина³, в работах которых задолго до И. Я. Бахофена⁴, Дж. Мак-Леннана⁵ и Л. Г. Моргана⁶ указывалось на необходимость исторического подхода к изучению обычаев и обрядов.

В своем исследовании акад. Н. М. Никольский

¹ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, стр. 35—36.

² К. Д. Кавелин. Быт русского народа. «Современник», 1848, кн. 9, 12.

³ В. Я. Шульгин. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850.

⁴ J. J. Bachofen. Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861.

⁵ J. F. McLennan. Primitive Marriage. An Inquiry into the Origin of the Form of Capture in Marriage Ceremonies. London, 1865.

⁶ L. H. Morgan. Ancient Society. New York, 1877.

опирался также на теоретические труды Л. Г. Моргана¹ и М. М. Ковалевского², разрабатывавших проблему истории родовой организации, в частности, проблему материнского рода.

Акад. Н. М. Никольский взглянул на белорусскую свадебную обрядность с необычайно широкой точки зрения, точки зрения исследователя истории первобытного общества и последующих общественно-экономических формаций, разделил белорусскую свадебную обрядность на отдельные элементы и группы этих элементов, проследил их происхождение и историю. В результате он выявил в белорусской свадебной обрядности пласты различных эпох, причем многие из этих пластов оказались пластами очень древних эпох.

Николай Михайлович установил, что ряд белорусских свадебных обрядов (встреча или провожание матерью жениха или невесты, свадебного поезда в вывороченной шубе) своими истоками восходят к тотемистической эпохе³. Тотемистическое происхождение и значение этих обрядов бесспорно и в свете обширнейшего труда по тотемизму Джемса Фрэзера и выводов его работы о двух основных функциях тотемистической обрядности, цель которой — содействовать обеспечению жизненными благами и предотвращать всякие несчастья⁴. К той же древней эпохе, по мнению Н. М. Никольского, принадлежали и обычаи посада жениха и невесты перед венцом. Николай Михайлович дал более обстоятельную интерпретацию этих обычаев, указал, что эти обычаи непременно предшествовали заключению брака еще в эпоху группового, а впоследствии парного брака, правильно отметил их глубокую древность, уходящую своими корнями к эпохе существования материнского рода⁵. Его вывод о древности этих элементов в белорусской свадебной обрядности подтверждается как капитальными исследова-

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934.

² М. М. Ковалевский. Первобытное право, вып. 1—2. М., 1886.

³ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, стр. 95—107.

⁴ J. G. Frazer. Totemism and Exogamy, v. 1. London, 1910, p. 116.

⁵ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, стр. 107—142.

ниями об инициациях в прошлом¹, так и новейшими общетеоретическими исследованиями советских ученых². Изучая происхождение белорусской свадебной обрядности, акад. Н. М. Никольский высказал предположение, что свадебные термины «сваты», «сваты», термины других свадебных чинов и связанные с ними обряды также своими истоками восходят к эпохе материнского рода³. Правильность этого предположения также подтверждается и этнографическими фактами, и новейшими лингвистическими исследованиями истории славянских терминов родства⁴.

Акад. Н. М. Никольский подверг тщательному анализу мифологию и обрядность каравая, исследовал религиозные представления, связанные с караваем, связь этих представлений в прошлом с образами полевых духов, с эротическими обрядами, с культом предков, показал родовую основу ряда каравайных обычаев. общие черты каравайной обрядности у белорусов и украинцев, общность бытования каравая в прошлом у всех восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев)⁵.

Николай Михайлович изучал также вопрос об особенностях свадебного обряда в отдельных местностях Белоруссии, различия между группой свадебных обычаев и обрядов, связанных с караваем, с одной стороны, и группой свадебных обычаев и обрядов, связанных с печным столбом, с другой; выяснил более позднее происхождение второй группы обычаев и обрядов⁶.

Таким образом, в исследовании акад. Н. М. Никольского прослежено происхождение и основные этапы развития многих элементов белорусской свадебной обрядности и их групп и вместе с тем выявлено происхождение и основные этапы истории белорусского свадебного обряда в целом.

¹ Н. Webster. Primitive Secret Societies. New York, 1908.

² Ю. И. Семенов. Как возникло человечество, стр. 302—309.

³ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, стр. 57—68.

⁴ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 59—134, 142—144, 179.

⁵ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, стр. 175—256.

⁶ Там же, стр. 148—174.

Прекрасный знаток истории религии и первобытности, акад. Н. М. Никольский тщательно исследовал почти все религиозные представления в белорусской свадебной обрядности, показал родовую основу ее происхождения, заложил тем самым основу для дальнейшего исследования истории свадебной обрядности белорусского народа, исследования ее нерелигиозного содержания. В этом направлении уже сделаны первые удачные шаги¹.

Подведем теперь итог значению исследований Н. М. Никольского по белорусской этнографии и фольклору. Из рассмотренных работ акад. Н. М. Никольского видно, что их большое значение состоит, во-первых, в утверждении марксистского метода в исследованиях по белорусской этнографии и фольклору. Во-вторых, применяя передовой научный метод, Николай Михайлович разработал ряд вопросов, остававшихся до него не исследованными, а именно: вопросов истории религиозных верований белорусских крестьян, связанных с животными (исследовал пережитки тотемизма), с земледельческими культами (исследовал мифологию и обрядность весеннего и летнего циклов), многих вопросов происхождения истории белорусской свадебной обрядности, а также поставил ряд новых научных вопросов и проблем. В-третьих, в его работах дана более глубокая по сравнению с предшественниками интерпретация ряда общетеоретических вопросов (о соотношении мифа и обряда; мифа, обряда и песни). Его труды по всем затронутым в них вопросам и проблемам являются исходным пунктом их дальнейшего исследования.

Говоря о значении работ Н. М. Никольского по белорусской этнографии, следует отметить, что они носят не описательный, а теоретический характер. Это капитальные исследования по поставленным проблемам, исследования, которые вошли в золотой фонд белорусской этнографической науки и фольклористики. Они сыграли большую роль в развитии белорусской этнографии и фольклористики, в утверждении марксистского метода в исследованиях по белорусской этнографии и фольклору, в становлении белорусской этнографии как марксистско-ленинской науки.

¹ А. М. Мицкевич. Семейная обрядность белорусов. Минск, 1966.